

Научная статья
УДК 323.22/28
doi: 10.17223/19988613/95/14

Женщина и политическое участие: ретроспективный взгляд на проблему

Александр Алиевич Керимов

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, kerimov68@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются проблемы участия женщин в политической жизни государства. Основное внимание уделяется вопросам, связанным с причинами исключения женщин из этой сферы, анализу факторов, обусловивших процессы эволюции роли и места женщин на лестнице общественно-политических отношений, а также изменениям в статусе женщин, повлиявшим на ход истории человечества, модернизационные процессы на современном этапе.

Ключевые слова: женщина, государство, политика, политическое участие

Для цитирования: Керимов А.А. Женщина и политическое участие: ретроспективный взгляд на проблему // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 95. С. 104–111. doi: 10.17223/19988613/95/14

Original article

Women and political participation: a retrospective view of the problem

Alexander A. Kerimov

*Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation, kerimov68@mail.ru*

Abstract. The purpose of the article is to analyze the problems of women's participation in the political life of the state. The main attention is paid to issues related to the reasons for the exclusion of women from this sphere. It also analyzes the factors that caused the processes of evolution of the role and place of women on the ladder of socio-political relations, as well as changes in the status of women that influenced the course of human history.

Methodologically, the article is based on the theoretical developments of foreign researchers. This problem is reflected in the studies of G. Bock, L. Edwards, S. Greenblatt, L. Lange, A. Styrkarsdottir, A. Towns, etc. Scientists and publicists of the past – C. Campbell, S. Lewis, E. Man, S. Young, etc. - made a significant contribution to the development of the problems of women's participation in politics.

The position of women in politics has not always been the same. Different epochs, different socio-cultural environment influenced the process of women's participation in politics. The 19th century seems to be interesting, when there is a displacement of women from the political sphere. The question arises: why did this happen? It would seem that the development of democracy, the spread of suffrage and representative government should have contributed to the improvement of the position of women in politics, but we are witnessing the opposite process.

The displacement of women from politics can be explained by civilizational development. The problem of regulating the relations of three principles – women, the state and civilization - was actualized. In this triad, a woman begins to be viewed as an ontologically separate category, as a weak, conservative being. Women are assigned the role of the guardian of the house, family, religion, etc. Her main duty is the birth of children. The idea was imposed on society that a woman should give up power over her body for the public good. Exclusion from politics was considered a blessing for a woman, there was an opinion that she had the right not to participate in politics.

Thus, at the turn of the century, European civilization successfully ousted women from the political sphere. A norm has emerged: civilized states should not cede political power to women. The rationale supporting this rule was twofold. On the one hand, it was believed that the liberation of women from participation in politics indicates an improvement in her position, and on the other hand, that the maintenance and development of certain spheres of public life ensures further progress, while each sex devotes its energy to the corresponding tasks.

Keywords: woman, state, politics, political participation

For citation: Kerimov, A.A. (2025) Women and political participation: a retrospective view of the problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 95. pp. 104–111. doi: 10.17223/19988613/95/14

Наверное, XIX столетие с точки зрения участия женщин в политике, управленческих делах можно считать не самым удачным временем. В эту эпоху происходит отрицание роли женщины в государственно-политических отношениях, вытеснение ее из данной сферы.

До XIX в. женщины из землевладельческих сословий в ряде европейских стран имели доступ к государственному аппарату. Более того, они правили королевствами и империями. Доступ женщин к власти был обусловлен единым идеалом бытия и управления, концептуализацией гендерного аспекта в общественных отношениях. Данный подход берет свое начало из античной философской мысли, которая рассматривала всех людей, по сути, как представителей одного пола [1. Р. 133]. В такой интерпретации гендерной проблемы женщина воспринималась как уменьшенная копия мужчины, более низкая версия мужской анатомии [2. Р. 9]. Эта однополая модель восприятия человека была популярна в Европе в XVI–XVII вв. Более распространенными были представления о том, что, будучи однополовыми, все человеческие существа содержат как «мужские», так и «женские» элементы, не устанавливая четких биологических границ, которые порождают сексуальные различия. Мужские элементы как генеративные включали в себя энергию, физическую силу, мужество и, следовательно, предрасположенность к созиданию и доминированию. Женские элементы считались инертными и включали в себя благородство, физическую слабость, трусость и, следовательно, склонность к подчинению [3. Р. 35].

Таким образом, до XIX в. мужчины и женщины не рассматривались как взаимоисключающие категории, определяемые их существенными половыми различиями. Несмотря на то, что мужские качества ценились выше женских и мужские элементы способствовали приходу к власти, это не обязательно означало, что мужчины доминировали над женщинами. Женщина могла править, как правило, при отсутствии альтернативы мужчине и если она проявляла соответствующие мужские характеристики.

До XIX в. в европейских государствах не существовало единого подхода к вопросу о политическом статусе женщин. Некоторые абсолютистские государства представляли некоторое пространство как для женщин-монархов, так и для женщин-государственных чиновников, в то время как другие, например Россия, запрещали женщинам наследовать престол и были более строгими в отношении женщин, выполняющих государственные функции. В эту эпоху наблюдалось значительное разнообразие с точки зрения взаимосвязи между полом и политической властью. Впоследствии это разнообразие уступило место более стандартизированному подходу, предполагающему ограничение политических прав женщин. Женщинам было запрещено использовать официальные каналы политического влияния и занимать государственные должности. Начиная с конца XVIII в. полномасштабные запреты были официально закреплены в законах. Так, в 1778 г. английская Палата общин запретила женщинам присутствовать в зале и слушать ее дебаты [4. Р. 48]. В 1832 г. женщинам было запрещено голосовать в Па-

лате общин, поскольку в законе об избирательном праве был введен термин «лицо мужского пола» вместо предыдущего «лица» [5. Р. 686]. В 1793 г. во Франции женские политические организации были распущены и им было запрещено перерегистрироваться, а новые законы 1848 г. запрещали женщинам создавать политические клубы и ассоциации и быть их членами [5. Р. 686]. Прусский закон 1851 г. лишил женщин всех политических прав и запретил им посещать политические собрания, 14-я поправка 1868 г. к Конституции США впервые определила избирательное право для «граждан мужского пола», а реформированный закон о выборах в Нью-Джерси также лишил избирательных прав всех женщин [4. Р. 48]. Аналогичные законодательные изменения, прямо запрещающие женщинам участвовать в государственном управлении, были внесены в Нидерландах (1887), Германии (1900), Австрии (1907), Италии (1912) и Португалии (1913) [1. Р. 133]. Таким образом, европейские государства в XIX в., развиваясь в парадигме так называемых «цивилизованных» государств, вытеснили женщин из политической сферы, выделив их в отдельную категорию населения.

Этот процесс сопровождался поиском удачной конфигурации трех начал – женщины, государства, цивилизации – и регулированием их отношений. Важно отметить, что на формирование всех трех начал сильное влияние оказывала система правления государства. Если в период абсолютизма в Европе еще существовала идея об однополой модели власти, при которой женщины были суверенными монархами, а некоторые категории женщин имели доступ к государственным должностям, то между концом XVIII и началом XIX в., в ходе преобразований абсолютизма, сопровождавшихся развитием науки, секуляризмом и процессами индустриализации, представление о том, что такое «личность» и «государство», как они объединены и как должны взаимодействовать, резко изменилось. Произошла двойная бифуркация: государство–общество, мужчина–женщина. Вместо того чтобы оправдывать и обосновывать включение женщин в политическую жизнь государства, наука, либерализм и зародившаяся парламентская демократия помогли создать то, что понималось как онтологически отдельная категория женщин и исключение этой категории из политической сферы. В результате исключение женщин из официальных государственных учреждений стало практикой «цивилизованного» мира. До того как женщины могли получить политические полномочия в Европе, они были дифференцированы как отдельные существа от мужчин и, следовательно, оказались политически бесправными как таковые.

Как показали М. Стейнберг и другие исследователи, «общественно-политическая борьба в 1830–1840-х гг. послужила основой для укрепления дискурсов и практик оправдания мужского доминирования и оправдания подчинения женщин» [6. С. 43]. Превращение женщины в особый пол, воплощенный и определяемый ее привязанностями, породило по крайней мере возможности для дифференциации мужского и женского начал и оправдания ее вытеснения из политической среды. Мужчина стал озвучиваться как плотская, био-

логическая противоположность женщины, воплощение особых качеств и свойств. Природа «политической» сферы государства и «человека» переплелась теснее, чем прежде, что в конечном счете узаконило физическую силу и принуждение. Поэтому, по мнению немецкого историка XIX в. фон Трейчке, для некоторых слово «государство» явно ассоциировалось с «мужским полом», «чисто мужской сущностью» [1. Р. 133].

Практика исключения женщины из политики стала не только стандартной политикой в Европе, но и сознательным, хотя и неформальным, стандартом цивилизации. Женщина XIX столетия рассматривалась как существо с характеристиками и способностями к действию, которые были прямо противоположны характеристикам самого государства: по мере того как государство стало характеризоваться разумом и силой, за женщиной укрепились такие качества, как эмоции и слабости; по мере того как государство стало характеризоваться наукой, женщина прониклась верой и религией; по мере того как государство стало современным, женщина стала восприниматься как традиционная; по мере того как государство стало эгоистичным, женщина стала бескорыстной. Будучи отстраненными от процесса обсуждения и принятия решений, женщины стали важным объектом целей нового, открытого государства. В многочисленных научных дискуссиях о государстве и роли представительного правительства, предшествовавших XIX в., было много споров о необходимости того, чтобы женщина подчинила себя мужчине и отказалась от власти над своим телом ради общественного блага [7, 8]. К XIX в. такие представления о политически неактивных женщинах как о ресурсе для общественного блага стали преобладающими, хотя они никогда не были бесспорными в формирующихся европейских национальных государствах.

Таким образом, практика строгого отделения политики от женской сферы распространилась в условиях продолжительных дебатов и споров по всей Европе в XIX в. Основа модели двух полов стала в значительной степени неоспоримой предпосылкой. Однако на этом основании женский вопрос был открытым и горячо обсуждаемым [1. Р. 133]. Тот факт, что отличие женщины неизбежно диктовало ее исключение из государства, так и не стал простой самоочевидной, неоспоримой предпосылкой, и это столкнулось с растущим сопротивлением по мере того, как пространство вокруг женщин сокращалось в течение столетия.

Средневековая интерпретация государства как божественного установления постепенно претерпела трансформацию под влиянием прогресса и идей философов, и оно стало рассматриваться как творение человеческого разума. С тех пор как государство стало рассматриваться как преднамеренный институт для регулирования общественных отношений, были изобретены механизмы его ограничения. Таким механизмом стала конституция, которая впервые появилась в 1787 г. в США.

С появлением конституций наступает эпоха ограничения монархий. Так, уже в первой половине XIX в. конституционные парламенты появились в Бельгии, Нидерландах, Норвегии в союзе со Швецией, а еще

раньше в Англии, в 1860-х гг. – в Австрии, в 1870-х гг. – во Франции, в 1880-х гг. – в Италии.

Эта трансформация имела ряд специфических особенностей. Во-первых, в начале XIX в. Европа состояла из территориально ограниченных национальных государств со своей единой валютой, финансовой и правовой системой, которые все чаще предъявили претензии на национальный язык и национальное образование. В сложившейся ситуации структуры государственной власти должны были быть коренным образом перестроены. Появилась другая форма государственного правления, которая все больше обезличивалась, больше не понималась как дарованная их населению в первую очередь волей Бога посредством действий суверенного монарха. Закон, который больше не давался свыше, стал пониматься как основанный на народном суверенитете и обсуждался в избранных национальных собраниях. Во-вторых, изменились отношения между государством и обществом. Подразумевалось, что суверенное государство больше не управляет обществом, а общество управляет самим собой через государство. Такая постановка вопроса предполагала введение народных форм правления в общенациональном масштабе. Если в Европе эта идея нашла понимание в правящих кругах и прерогативы правителей были существенно ограничены конституциями, то в России все еще господствовала неограниченная царская власть.

В данном контексте актуализируется вопрос о том, насколько была возможна постановка вопроса о расширении политических прав и возможностей женщин. Как уже отмечалось, возникновение в XIX в. конституционного государства, основанного на законности и праве как продукте разума, было тесно связано с исключением женщин из политической сферы. Массовым общественным движениям потребовались бы значительные усилия для преобразования конституционного государства, чтобы оно стало более инклюзивным. Не менее важно и то, что исключение – а не включение – женщин из политики приветствовалось как передовая и цивилизованная мера, которая, как предполагалось, должна была отделить «современные» и западные государства от «традиционных» обществ.

К концу XVIII в. положение женщин в системе политических отношений стало тесно увязываться с продвижением государств и других политических систем по ступеням цивилизации. Французскому социалисту-утописту Шарлю Фурье обычно приписывают то, что он первым в 1808 г. прямо связал положение женщин с уровнем цивилизации государства. Однако, похоже, эта связь была установлена одновременно или независимо рядом мыслителей. Например, теоретик просвещения Джон Миллар в 1771 г. в первом издании своего труда «Происхождение различия рангов» включил положение женщин в государстве в качестве показателя уровня цивилизации.

Дебаты о женщине, ее положении в политической сфере и цивилизации набрали полную силу к середине XIX в. Однако большинство участников дискуссии были единодушны в том, что «неважно, рассматривается ли история самого далекого прошлого или раз-

личные цивилизации настоящего, эмансипация и возвышение женщины – она синоним прогресса» [9. Р. 71]. Однако, оценивая женщину как категорию на иерархической шкале цивилизации и определяя ее как более или менее «цивилизованный» или «отсталый» пол, такой подход к определению места женщины в государственной системе превратил ее в физический ресурс, использование которого могло бы помочь или помешать прогрессу государства.

Процесс исключения женщины из политической сферы был тесно связан с изменением характера международного сообщества и его социальной иерархии. Европейская концептуализация цивилизации, понимаемая примерно как процесс преодоления природного, «естественного» состояния существования [10], возникла одновременно с конституционным государством. Считалось, что хорошо продуманный закон, продукт разума, укрощает грубую силу не только внутри страны, но и в межгосударственных отношениях. В конце XVIII в., как утверждает Дж. Бартельсон, «европейские государства гордились своим внутренним законодательством, однако их внешние отношения регулировались тем же набором нецивилизованных принципов по организации дикарей нового света, которым законодательство было неизвестно» [11. Р. 8].

Такая тактика двойных стандартов в толковании законов была направлена на защиту интересов «цивилизованных» стран. В Европе после наполеоновских войн угроза войны таилась на заднем плане. Развитие международного права и его институтов обеспечивало ощущение соблюдения правил, которые якобы гарантировали, что европейские колонизаторы не просто опираются на военную мощь, но и руководствуются идеалами прогресса и процветания [11. Р. 8].

Европейский колониализм был четко встроен в понимание этапов цивилизации. С точки зрения европейских столиц, мир воспринимался как разделенный на два класса государств и народов: цивилизованных и нецивилизованных. Неравенство было подходящим принципом международной организации, а стандарты и способы поведения, проявляемые по отношению к другим международным субъектам, зависели от того, к какой категории относились эти другие. По отношению к «нецивилизованным» считалось разумным вести себя по-отечески, покровительственно и диктаторски, и было приемлемо вести себя жестоко, если этого требовала ситуация. По отношению к «цивилизованным» странам нормальное поведение должно было демонстрировать сдержанность и уважение: торг был общепринятым способом взаимодействия, уступка не обязательно означала потерю лица, об унижении не могло быть и речи, а завоевание для порабощения не было законным [12. Р. 254].

Применение силы было одновременно узаконено в отношениях между каждой европейской державой и ее колониальными подданными. Приобретение самой цивилизации стало предпосылкой, установленной Европой для признания суверенной государственности и последующего привилегированного отношения. Способность к самоуправлению (которая, как это ни парадоксально, была сведена на нет самим фактом колони-

зации) и создание внутренней системы государственных структур, основанной на законе, были одними из критериев, установленных для достижения цивилизации [13]. Однако, поскольку цивилизация определялась в относительных терминах вместе с варварством, критерии постоянно менялись, были неуловимыми и давали мало шансов для продвижения в «цивилизованное» русло официальной государственности.

Государства в XIX в. жили без общеевропейской войны. «Столетний мир» (1815–1914) еще раз подчеркнул, что закон действительно может увести Европу от варварства войны к цивилизованности мира. Эта законопослушная, «мирная» группа государств, которая ранее разделяла некоторое чувство единства в христианском мире во взаимодействии с нехристианами, медленно, но верно стала характеризовать свое внутреннее законодательство и международные отношения как «цивилизованные» [14. Р. 8].

Как принято считать, причиной исключения женщины из политической сферы стало развитие человечества по цивилизационной лестнице. Рассматривая мужское начало как творческую силу, порождающую прогресс, европейская мысль концентрировалась на его изучении, а женщине отводилось второстепенное место. В основе такого подхода к определению значения и ценности полов лежала эволюционная биология, основанная на примерах из мира природы для разработки вопроса о половом отборе. Развивая свою теорию, Ч. Дарвин отмечал, что формы прогресса зависели «не от борьбы за существование по отношению к другим органическим существам или внешним условиям, а от борьбы особей одного пола, обычно мужчин, за обладание другим полом» [15]. Ученый далее утверждал, что физическая сила и интеллект мужчин постоянно улучшались и развивались благодаря сексуальному соперничеству за женщин, в то время как способности женщин оставались неизменными [15].

Согласимся с ученым, что основное различие в интеллектуальных способностях двух полов проявляется в том, что мужчина достигает более высокого положения, чем женщины, во всем, чем он занимается. Однако вопрос: требует ли это глубокой мысли, разума или воображения или просто использования чувств и рук, – остается открытым. Но очевидно, если бы было составлено два списка самых выдающихся мужчин и женщин в области науки, техники, истории, философии, поэзии, живописи, скульптуры, музыки и т.д., то они не выдержали бы сравнения.

Также можно сделать вывод о том, что если превосходство мужчин во многих сферах очевидно над женщинами, то средний уровень умственных способностей у мужчин должен быть выше, чем у женщин. Мужчинам приходилось защищать своих женщин и детей, охотиться для обеспечения их пропитанием. Эти умения всегда требовали совершенства, изворотливости, что невозможно было без помощи умственных способностей на основе наблюдательности, разума, изобретательности или воображения. Таким образом, эти различные способности постоянно подвергались испытанию и отбирались в ходе эволюции.

Социальная антропология, география и этнология помогли связать концепцию полового отбора с этапами цивилизации, добавив исследования из человеческого мира. Женщины, как стало ясно из простого наблюдения, не способствовали прогрессу. При переходе от дикости к цивилизации они продолжали вести домашнее хозяйство, прясть, использовать тот же словарный запас, придумывать те же предложения, воспроизводить те же формы украшений, верить, как и раньше, только используя модифицированные и лучшие орудия труда. Отсюда можно сделать вывод, что постоянное выполнение одних и тех же действий и размышление об одних и тех же предметах из поколения в поколение превращают физическую активность и умственные процессы в полуавтоматическую привычку. «Очень немногие мужчины делают то, что делали их отцы, поэтому их мнение должно быть составлено на основе изучения и прецедентов. Почти все женщины, будь то в дикости или в цивилизации, делают то, что делали их матери и бабушки, и поэтому их умения рождаются в них и повторяются» [9. Р. 73], практически исключая возможность интерпретации и радикального пересмотра устоявшегося образа мышления и сложившихся традиций.

Ученые и путешественники в своих исследованиях определяют женщин как консервативную, а не прогрессивную силу, неспособную развиваться самостоятельно. При этом условие благополучия женщин они видят в успехе мужчин на пути к прогрессу. Как считают исследователи, если бы закон действительно ограничивал и цивилизовывал грубую силу, то женщины как слабый пол могли бы только выиграть, но в условиях правления «сила – это право» женщины, скорее всего, уступят. Поскольку женщины – рудиментарные существа, полные страстей, чрезвычайно важно, чтобы им не доверяли принимать законы и создавать другие формы цивилизации. Если бы они это сделали, то состояние цивилизации и их собственное благополучие оказались бы под угрозой [9. Р. 73]. Таким образом, женщины больше всего нуждаются в цивилизации, чтобы оградить и защитить их от деградации с целью поддержания цивилизации.

Если считалось, что цивилизация защищает женщин, то, наоборот, стало установленным фактом, что в Европе «положение женщины было наиболее деградированным, ближе к естественному состоянию» [5]. Грубое порабощение женщин в XIX в. представлялось следствием «полуварварского заблуждения», признака «презренного отношения к женщинам как к подчиненным и низшим существам» [16. Р. 17].

К концу XIX в. ряд социологов попытался развеять трюизмы о жестоком обращении с женщинами за пределами Европы, но это не принесло результата. В 1892 г. географ Ч. Кэмпбелл объяснял, что во время пребывания в Корее его представления о «порабощении женщин, которое, вероятно, являлось самой распространенной из принятых теорий на Востоке, изменились. Оказалось, что женщины в этих частях света занимают более высокое положение и имеют большее влияние, чем им приписывают» [17]. Антрополог Э.Х. Ман точно так же заявляет о жителях Андаманских островов:

«...одной из поразительных особенностей их социальных отношений является заметное равенство и привязанность, существующие между мужем и женой. Тщательные наблюдения, проведенные в течение многих лет, доказывают, что власть мужа не только более или менее номинальна, но и что для андаманских бенедиктов вовсе не редкость быть в значительной степени на побегушках у своих лучших половинок» [18]. Вместо того чтобы разрушать господствующее мнение о том, что уровень цивилизации влияет на статус женщин, такие попытки в Европе были сдержанны и осмысливались с помощью представлений о том, что женщина в политике является устаревшей идеей и что ее неучастие в политике обеспечивает ей защиту, даже возвышение.

Известный американский историк Фрэнсис Паркман утверждал, что социальная власть женщин росла с развитием цивилизации, но их политическая власть уменьшилась. В прежние времена и при низких социальных условиях женщины иногда обладали такой степенью власти в государственных делах, какой не было в передовых странах современного мира. Самые дикие племена на североамериканском континенте, например в демографическом заповеднике «Шести наций», слушали на торжественном собрании советы своих матрон с почтением, не имеющим аналогов среди их цивилизованных преемников. Жители древней Ликии в то время, когда они были полуварварами, давали своим женщинам такую власть, что, как сообщалось, они жили при гинекоκραтии, или женском правительстве. За 400 лет до Рождества Христова вопрос о предоставлении политической власти женщинам волновал самый цивилизованный из древних народов, афинян, и они не хотели следовать примеру своих соседей-варваров [9. Р. 74].

Исключение женщин из политической сферы широко представлялось как возвышение женщины и характерный эффект государства, достигшего продвинутой стадии. Далеко не все соглашались с подобной оценкой. В XIX в. также преобладало представление о женщинах как о наиболее важном цивилизующем агенте. Часто утверждалось, что женщины выполняют особую миссию по преобразованию природы в культуру, особенно в том, что касается социализации детей. Например, Л.-Э. Мартин, оценивая роль матери, утверждал, что «не существует более универсального агента цивилизации, чем наши матери» [1. Р. 89].

Многие из тех, кто выступал с позиции защиты прав и свобод женщин, возражали не против характеристики женщины как бескорыстного, консервативного, мирного и религиозного существа, определяемого ее привязанностями, а скорее, против, обесценивания таких качеств и доминирования одной сферы над другой. Основополагающая ценность женщин как ресурса для общественного блага и национального величия редко подвергалась публичному сомнению. «Единственное качество, от которого зависит ценность и влияние женщины, – это самоотречение», – утверждала С. Льюис в 1839 г. в бестселлере «Миссия женщины». Она расширила дискуссию Л.-Э. Мартина и отмечала, что «основополагающий принцип верен – женщины

должны жить для других, и поэтому все, что нам нужно сделать, это применить данный фундаментально правильный принцип в более широком значении» [19]. Для С. Льюис, Л.-Э. Мартина и других это более «широкое значение» абсолютно не включало государственные организации и политическую сферу. Вместо этого С. Льюис утверждала: «Величайшее благо, которое женщины могут принести обществу, состоит в том, чтобы быть такими, какими они должны быть во всех своих домашних отношениях» [19]. Женщины должны демонстрировать «преданность идеальному благу, самопожертвование и подчинение эгоистичным чувствам», чтобы их можно было отделить от мужчин, которые были разрушены «эгоистичным и пресмыкающимся утилитаризмом» государства [19].

В домашней сфере женщины, кроме того, выполняли жизненно важную функцию по отношению к «безбожному» государству, поскольку «они могут быть главными агентами Бога в возрождении человечества» [19]. Если бы женщины вошли в публичную сферу государства, они рисковали бы поддаться эгоизму. Уничтожив свою природу, они, таким образом, перестанут быть «мощным средством улучшения человечества», что приведет к вырождению цивилизации [19]. По словам С. Янга, если женщина не воспитана должным образом в домашней сфере, ей «суждено стать матерью дикарей и варваров, которые были погружены в невежество, запятнаны преступлениями и запятнаны кровью на протяжении всех веков» [16. Р. 17].

Ответом на вопрос, который задает книга С. Льюис и который касался стольких государственных деятелей того времени: «Можно ли достичь максимально возможного блага, выведя женщину из ее нынешней сферы на арену общественной жизни?» – было решительное «НЕТ». «Империя женщин – это империя их привязанностей», и значительное влияние, которое женщины оказывают в семье, – это «культивирование моральной части человеческой природы, культивирование которой еще не предпринималось ни одним правительством, над которой, по сути, правительства и государственные учреждения практически не имеют контроля» [19]. «Благотворное влияние женщины сводится на нет, если однажды ее мотивы или ее личный характер станут предметом нападения; и только этот факт должен побудить ее терпеливо согласиться с планом уединения от государственных дел» [19]. Отделение женщины от государственных учреждений, более того, соответствовало Божьей воле, поскольку «принцип разделения труда, по-видимому, является максимой божественного правления» [19].

Французский социалист-утопист Ш. Фурье превратил причинно-следственную связь между статусом женщин и уровнем цивилизации государства в общий тезис, который действовал в течение двух столетий. Из-за важности мысли Ш. Фурье возникает необходимость процитировать его несколько подробнее. Используя сравнительный метод, характерный для эволюционной теории, Ш. Фурье в 1808 г. заявил, что среди признаков, которые обещают счастливые результаты от расширения привилегий женщин, мы должны привести опыт других стран. Мы видели, что лучшие

нации – это всегда те, которые предоставляют женщинам наибольшую свободу; это можно увидеть как среди варваров и дикарей, так и среди цивилизованных. Японцы, которые являются самыми трудолюбивыми, самыми храбрыми и самыми благородными из варваров, также наименее ревнивы и наиболее снисходительны к женщинам; это настолько верно, что некоторые китайцы отправляются в Японию, чтобы предаваться любви, которая запрещена им их собственными лицемерными обычаями. Точно так же таитяне были лучшими среди дикарей; учитывая их относительную скудость природных ресурсов, ни один другой народ не развил свою промышленность до такой степени. Среди цивилизованных французы, которые наименее склонны преследовать женщин, являются лучшими в том, что они – наиболее гибкая нация, та, от которой умелый правитель может добиться наилучшего результата в любом деле. Однако, несмотря на некоторые недостатки, такие как легкомыслие, индивидуальность, самонадеянность и нечистоплотность, французы являются передовой цивилизованной нацией благодаря этому единственному факту приспособляемости, черте, наиболее чуждой варварскому характеру. Точно так же можно видеть, что самыми коррумпированными нациями всегда были те, в которых женщины были наиболее поработаны [20].

В качестве обобщающего тезиса отметим, что социальный прогресс и исторические изменения происходят в силу продвижения женщин к свободе, а упадок социального порядка – в результате уменьшения свободы женщин. Другие события также влияют на эти политические изменения, но нет причины, которая приводила бы к социальному прогрессу или упадку так быстро, как изменение статуса женщин. «Простое принятие закрытых гаремов быстро превратило бы нас в варваров, и простого открытия гаремов было бы достаточно, чтобы переместить / перевести варваров в цивилизацию» [20]. Таким образом, расширение привилегий женщин является общим принципом для всего социального прогресса.

Выступая против включения женщин в политику, поскольку это было бы унижением женщины, С. Льюис вторит таким чувствам, заявляя, что «в таком случае это закон вечной справедливости – мужчина не может унижать женщину, не впадая в деградацию: он не может возвысить ее, не возвышая в то же время себя» [19]. Следует отметить, что С. Льюис была далеко не одинока в своем желании возвысить цивилизацию, удерживая женщину вне политики. В частности, когда речь заходила об избирательных правах женщин, А. Крадитор, излагая настроения XIX в. по данному вопросу, отметил: «...неправильно говорить, что женщина не имела права голоса; скорее, она имела право не голосовать, она была освобождена от этого бремени. Она была освобождена, чтобы посвятить свой разум и свою энергию тем занятиям, которые приносят наибольшую пользу обществу» [21]. Антропологи, возможно, еще более резко выразили связь между статусом женщины и цивилизацией, заявив, что «в соответствии с законом выживания наиболее приспособленных, племя или группа людей, в которых

имеет место подобная жестокость, просто выбирает путь вниз и исчезает» [22].

К концу XIX в., очевидно, действовала следующая норма: цивилизованные государства исключают женщин из политики. События в Европе свидетельствуют об этой норме. Возможно, еще более показательными являются правовые изменения в государствах, формально вступающих в общество цивилизованных, а также практика европейских колониальных держав в Африке и Азии. Одновременно с официальным вступлением в цивилизованное общество в конце XIX в. Япония впервые кодифицировала полный запрет на политическую деятельность женщин, такую как посещение политических собраний и вступление в политические партии [23]. Китайская конституция 1912 г. в попытке внедрить англосаксонскую демократическую практику в этой первой из азиатских республик полностью исключила женщин из партийной жизни и участия в избирательном процессе [24. Р. 622]. Ликвидация матрилинейных систем родства и политической власти женщин была проведена во имя прогресса и на всех территориях, находящихся под колониальным правлением. Например, завоевав Судан в 1899 г., британцы регламентировали и кодифицировали политику как исключительно неженскую сферу. Отражая шовинизм цивилизации, эль-Бакри и соавт.

утверждают, что британцы «рассматривали те области, где отношения между полами были относительно эгалитарными, как “нецивилизованные”... В ситуациях, когда женщины имели относительно равный статус с мужчинами, они теряли этот статус под предлогом “цивилизации”» [25. Р. 177]. Подобным образом строительство колониальных политических институтов систематически закрепляло отчуждение женщин, вытесняя прежние формы институционализированной женской политической власти, которые существовали во многих местах.

Таким образом, на рубеже веков европейская цивилизация успешно вытеснила женщин из политической сферы. Существовала международная норма: цивилизованные государства не должны уступать политическую власть женщинам. Обоснование, поддерживающее эту норму, было двояким. С одной стороны считалось, что освобождение женщины от участия в политике свидетельствует об улучшении ее положения, а с другой – что поддержание и развитие отдельных сфер общественной жизни обеспечивает дальнейший прогресс, в то время как каждый пол посвящает свою энергию соответствующим задачам. В эту норму была четко встроена международная иерархия, которая проводила различие между цивилизованными, варварскими и дикими государствами.

Список источников

1. Bock G. Women in European History. Oxford: Blackwell, 2002. 304 p.
2. Lange L. Woman is not a Rational Animal: On Aristotle's Biology of Reproduction // Discovering Reality: Feminist Perspectives on Epistemology, Metaphysics, Methodology and Philosophy of Science / S. Harding, M.B. Hintikka (eds.). Boston, MA : D. Reidel, 1983. P. 1–15.
3. Greenblatt S. Fiction and Friction // Reconstructing Individualism: Autonomy, Individuality, and the Self in Western Thought / T. Heller, M. Sosna, D.E. Wellbery (eds.). Stanford, CA : Stanford University Press, 1986. P. 30–52.
4. Styrkársdóttir A. From Feminism to Class Politics: The Rise and Decline of Women's Politics in Reykavik, 1908–1922. Umeå universitet, Statsvetenskapliga institutionen, 1998. 185 p.
5. Towns A. The Status of Women as a Standard of «Civilization» // European Journal of International Relations. 2009. Vol. 15 (4). P. 681–706. URL: <http://www.sagepub.co.uk/journalsPermissions.nav> (accessed: 05.04.2022).
6. Стейнберг М. «Великий конец всякого правительства...»: формирование требований гражданства трудящимися в Англии начала девятнадцатого века и классовые вопросы // Международный обзор социальной истории. 1995. № 40 (S3). С. 37–63.
7. Okin S.M. Woman in Western Political Thought. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1979. 371 p.
8. Jonasdottir A. Why Women Are Oppressed. Philadelphia, PA : Temple University Press, 1994. 298 p.
9. Towns A. Women and States: Norms and Hierarchies in International Society. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 249 p.
10. Ortner S.B. Is female to male as nature is to culture? / Woman, culture, and society / M.Z. Rosaldo, L. Lamphere (eds.). Stanford, CA : Stanford University Press, 1974. P. 68–87. URL: https://www.uio.no/studier/emner/sv/sai/SOSANT1600/v12/Ortner_Is_female_to_male.pdf (accessed: 05.04.2022).
11. Bartelson J. A Genealogy of Sovereignty. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 318 p.
12. Puchala D., Hopkins R. International Regimes: Lessons from Inductive Analysis // International Regimes / S. Krasner (ed.). Ithaca, NY : Cornell University Press, 1983. P. 245–275.
13. Gong G. The Standard of «Civilization» in International Society. Oxford : Oxford University Press, 1984. 267 p.
14. Neumann I. Uses of the Other: 'The East' in European Identity Formation. Minneapolis, MN : University of Minnesota Press, 1999. Vol. 56. 283 p.
15. Дарвин Ч. Сочинения. М. : Изд-во АН СССР, 1936. Т. 3: Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/darvin_proishozhdenie_vidov.pdf (дата обращения: 05.04.2022).
16. Young S. Suggestions on the Best Mode of Promoting Civilization and Improvement; or, the Influence of Woman on the Social State : lecture delivered before the Young Men's Association for Mutual Improvement in Albany. Albany, NY : Hoffman & White, 1837, 37 p. URL: https://play.google.com/store/books/details/Suggestions_on_the_Best_Mode_of_Promoting_Civiliza?id=NvJMAQAAMAAJ&hl=et&gl=US (accessed: 05.04.2022).
17. Campbell Ch.W. A Journey through North Korea through the Ch'ang-pai shan // Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. 1892. № 14 (3). P. 141–161. URL: <https://www.jstor.org/stable/i304196> (accessed: 05.04.2022).
18. Man E.H. The Andamanese Islanders. London : Bibling & Sons Ltd., 1885. URL: <https://glottolog.org/resource/reference/id/550566> (accessed: 05.04.2022).
19. Lewis S. Woman's Mission. London : John W. Parker, West Strand, 1840. 169 p. URL: https://ia800900.us.archive.org/13/items/womans_missionby00chamgoog/womansmissionby00chamgoog.pdf (accessed: 05.04.2022).
20. Fourier Ch. Oeuvre's completes. Aux Bureaux de laphalange, 1846. 471 p. URL: <http://irw.rutgers.edu/research/ugresearch/international/fourier.html> (accessed: 05.04.2022).
21. Kraditor A. The ideas of the woman suffrage movement, 1890–1920. Garden City, NY : Anchor Books, 1971. 313 p. URL: <https://archive.org/details/ideasofwomansuff00krad> (accessed: 05.04.2022).
22. Mason O.T. Woman's Share in Primitive Culture. London : Macmillan and Co, 1895. 295 p. URL: <https://archive.org/details/dli.granth.94084> (accessed: 05.04.2022).

23. Mackie V. *Creating Socialist Women in Japan: Gender, Labour, and Activism, 1900–1937*. New York : Routledge, 1997. 252 p. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/bulletin-of-the-school-of-oriental-and-african-studies/article/abs/vera-mackie-creating-socialist-women-in-japan...> (accessed: 05.04.2022).
24. Edwards L. Women's Suffrage in China: Challenging Scholarly Conventions // *Pacific Historical Review*. 2000. № 69 (4). P. 616–638.
25. el-Bakri et al. *Sudanese Sub-Project: Women in Sudan in the Twentieth Century* // *Women's Movement and Organizations in Historical Perspective* / S. Wieringa (ed.). The Hague : Institute of Social Studies, 1987. P. 130–137.

References

1. Bock, G. (2002) *Women in European History*. Oxford: Blackwell.
2. Lange, L. (1983) "Woman is not a Rational Animal: On Aristotle's Biology of Reproduction". In: Harding, S. & Hintikka, M.B. (eds) *Discovering Reality: Feminist Perspectives on Epistemology, Metaphysics, Methodology and Philosophy of Science*. Boston, MA: D. Reidel. pp. 1–15.
3. Greenblatt, S. (1986) Fiction and Friction. In: Heller, T., Sosna, M. and Wellbery, D.E. (eds) *Reconstructing Individualism: Autonomy, Individuality, and the Self in Western Thought*. Stanford, CA: Stanford University Press. pp. 30–52.
4. Styrkarsdóttir, A. (1998) *From Feminism to Class Politics: The Rise and Decline of Women's Politics in Reykavik, 1908–1922*. Umeå universitet: Statsvetenskapliga institutionen.
5. Towns, A. (2009) The Status of Women as a Standard of "Civilization". *European Journal of International Relations*. 15(4). pp. 681–706. [Online] Available from: <http://www.sagepub.co.uk/journalsPermissions.nav> (Accessed: 5th April 2022).
6. Steynberg, M. (1995) "Velikiy konets vsyakogo pravitel'stva...": formirovanie trebovaniy grazhdanstva trudyashchimsya v Anglii nachala devyatnadsatogo veka i klassovye voprosy ["The Great End of All Government...": The Formation of Citizenship Demands by Working People in Early Nineteenth-Century England and Class Issues]. *Mezhdunarodnyy obzor sotsial'noy istorii*. 40(S3). pp. 37–63.
7. Okin, S.M. (1979) *Woman in Western Political Thought*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
8. Jonasdottir, A. (1994) *Why Women Are Oppressed*. Philadelphia, PA: Temple University Press.
9. Towns, A. (2010) *Women and States: Norms and Hierarchies in International Society*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Ortner, S.B. (1974) Is female to male as nature is to culture? In: Rosaldo, M.Z. & Lamphere, L. (eds) *Woman, culture, and society*. Stanford, CA: Stanford University Press. [Online] Available from: https://www.uio.no/studier/emner/sv/sai/SOSANT1600/v12/Ortner_Is_female_to_male.pdf (Accessed: 5th April 2022).
11. Bartelson, J. (1995) *A Genealogy of Sovereignty*. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Puchala, D. & Hopkins, R. (1983) "International Regimes: Lessons from Inductive Analysis. In: Krasner, S. (ed.) *International Regimes*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
13. Gong, G. (1984) *The Standard of "Civilization" in International Society*. Oxford: Oxford University Press.
14. Neumann, I. (1999) *Uses of the Other: 'The East' in European Identity Formation*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
15. Darwin, Ch. (1936) *Sochineniya* [Works]. Vol. 3. Moscow: USSR AS. [Online] Available from: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/darwin_proishozhdenie_vidov.pdf (Accessed: 5th April 2022).
16. Young, S. (1837) "Suggestions on the Best Mode of Promoting Civilization and Improvement; or, the Influence of Woman on the Social State": lecture delivered before the Young Men's Association for Mutual Improvement in Albany, NY. Albany: Hoffman & White. [Online] Available from: https://play.google.com/store/books/details/Suggestions_on_the_Best_Mode_of_Promoting_Civiliza?id=NvJMAQAAMAAJ&hl=et&gl=US (Accessed: 5th April 2022).
17. Campbell, C. (1892) "A Journey through North Korea through the Ch'ang-pai shan." *Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography*. 14(3). pp. 146–171. [Online] Available from: <https://www.jstor.org/stable/i304196> (Accessed: 5th April 2022).
18. Man, E. H. (1885) *The Andamanese Islanders*. London: Bibling & Sons Ltd. [Online] Available from: <https://glottolog.org/resource/reference/id/550566> (Accessed: 5th April 2022).
19. Lewis, S. (1840) *Woman's Mission*. London: John W. Parker, West Strand. [Online] Available from: <https://ia800900.us.archive.org/13/items/womansmissionby00chamgoog/womansmissionby00chamgoog.pdf> (Accessed: 5th April 2022).
20. Fourier, C. (1846) *Oeuvre's complètes I*. [Online] Available from: <http://irw.rutgers.edu/research/ugresearch/international/fourier.html> (Accessed: 5th April 2022).
21. Kraditor, A. (1971) *The ideas of the woman suffrage movement, 1890–1920*. Garden City, N.Y.: Anchor Books. [Online] Available from: <https://archive.org/details/ideasofwomansuff00krad> (Accessed: 5th April 2022).
22. Mason, O.T. (1895) *Woman's Share in Primitive Culture*. London: Macmillan and Co. [Online] Available from: <https://archive.org/details/dli.granth.94084> (Accessed: 5th April 2022).
23. Mackie, V. (1997) *Creating Socialist Women in Japan: Gender, Labour, and Activism, 1900–1937*. New York: Routledge. [Online] Available from: <https://www.cambridge.org/core/journals/bulletin-of-the-school-of-oriental-and-african-studies/article/abs/vera-mackie-creating-socialist-women-in-japan...> (Accessed: 5th April 2022).
24. Edwards, L. (2000) Women's Suffrage in China: Challenging Scholarly Conventions. *Pacific Historical Review*. 69(4). pp. 616–638.
25. el-Bakri et al. (1987) *Sudanese Sub-Project: Women in Sudan in the Twentieth Century*. In: Wieringa, S. (ed.) *Women's Movement and Organizations in Historical Perspective*. The Hague: Institute of Social Studies.

Сведения об авторе:

Керимов Александр Алиевич – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой политических наук департамента политологии и социологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: kerimov68@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kerimov Alexander A. – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Sciences of the Department of Political Science and Sociology, Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: kerimov68@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; принята к публикации 15.05.2025

The article was submitted 11.04.2022; accepted for publication 15.05.2025